Людмила Горелик

Взлетающий демон Врубеля

Людмила Горелик

Взлетающий демон Врубеля

«Автор»
2025

Горелик Л. Л.

Взлетающий демон Врубеля / Л. Л. Горелик — «Автор», 2025

Художник Врубель, находясь в гостях у меценатки княгини Тенишевой, написал картину «Взлетающий Демон», но в припадке сумасшествия хотел ее уничтожить. Картину «спрятали», поручив юному художнику Тиунову из Крестьянской школы, которую спонсировала княгиня, написать сверху пейзаж. В результате крестьянских волнений 1904 года княгиня прекращает деятельность своей Крестьянской школы.В наше время Талашкино потрясает весть об убийстве московского художника, приехавшего реставрировать построенный княгиней храм Святого Духа. Леля Шварц и Порфирий Потапов помогают местной полиции в расследовании.

© Горелик Л. Л., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 28

Людмила Горелик
Взлетающий демон Врубеля

Взлетающий Демон Врубеля

Глава 1. Экскурсия в Талашкино.

Как обычно бывает, студенты, вначале с энтузиазмом откликнувшиеся на идею совершить экскурсию в Талашкино, ко времени поездки энтузиазм растеряли. Время было, конечно, не самое удачное. Выбраться сумели только в конце учебного года, перед сессией. В четверг на последнем занятии староста Виталий передал Елене Семеновне окончательный список: поедут девять человек, полгруппы. Хорошо, что она сообразила маленький автобус у проректора просить – так и знала, что не все поедут. Все же для порядка сказала: «Поначалу четырнадцать записывались». «Витя и Настя заболели, еще двоим домой съездить понадобилось – пятница, сами понимаете… Да и сессия начинается, «хвосты» у некоторых», – оправдываясь, водил пальцем по списку староста. – Костя Разумов обещал прямо там подойти – он сейчас живет в Талашкине, родители дом купили».

Выехали в начале десятого. Июньские деньки стояли теплые, но не очень жаркие. Утреннее солнце светило ласково. Студенты обменивались шутками, смеялись. У Елены Семеновны тоже улучшилось настроение, она включилась в общий веселый диалог. За окном мелькало Рославльское шоссе, то совершенно голое, с вытянутыми шеями бетонных фонарных столбов, то с чудом сохранившимися большими старыми деревьями по обочинам. Деревья-то старые, а листва у них молодая, нежно-зеленого цвета. «Вот и я так!» – подумала Шварц, и усмехнулась неожиданному для нее поэтическому сравнению. Елена Семеновна Шварц была женщина трезвая, к сентиментальности не склонная. По возрасту она давно уже пенсионерка, в университете ведет небольшую почасовку в журналистских группах. Эту подработку она взяла не только ради денег, а потому что скучала без преподавательской работы. Она привыкла иметь дело с молодежью – всю жизнь вела в энергоинституте английский – поэтому с радостью согласилась поработать один семестр, тем более, университет рядом с домом. С журналистами ей понравилось даже больше, чем с технарями. С этими она не об энергоснабжении, а о культуре стала беседы на английском проводить, что было ей интереснее. Тут и выяснилось, что некоторые третьекурсники в Талашкино еще ни разу не съездили… Энергичная Шварц тотчас организовала экскурсию.

Автобус остановился: въезд на территорию музея запрещен. Вправо от шоссе уходила запущенная аллея огромных старых лип. Дорога вела вверх, хотя и не круто. Студенты шли весело, легко, Елена Семеновна тащилась сзади, к концу заметно отстала. Староста Виталий замедлил шаг, пошел рядом с ней.

Вот и памятник Марии Клавдиевне. Скульптуру поставили здесь не так давно. Знаменитая меценатка встречает гостей в своем имении.

– Это ведь родовое имение Тенишевых? – спросил Виталий.

– Нет. Муж Марии Клавдиевны купил его в 1893 году у ее подруги детства, Екатерины Святополк-Четвертинской. А вот у Екатерины это имение было родовое – она урожденная Шупинская, им село было даровано в восемнадцатом веке. Однако денег у Екатерины Константиновны на его развитие не хватало. А она многое в селе усовершенствовала – развивала молочное хозяйство, коневодство… Екатерина очень хотела продать именно Манечке, так как знала, что при Тенишевых оно не пойдет прахом, будет развиваться на благо общества. Они обе этим отличались – беспокоились и о крестьянах, и о родной земле.

– Значит, Тенишева была богата?

– Скорее, не она сама, а ее муж, Вячеслав Николаевич. Он был тоже очень образованный человек. И порядочный. Уравновешивал энтузиазм жены своей деловой трезвостью. Но при всей деловитости меценатство и ему было близко. Про Тенишевское училище в Петербурге слышали? Его дело!

Студенты уже толпились возле дверей Школы, пересмеиваясь и толкаясь, и Елена Семеновна, оставив Виталия, убыстрила шаг: ей нужно было найти экскурсовода. Экскурсию она заранее заказала по телефону. Шварц не первый раз возила сюда студентов. Показывали всегда сельскохозяйственную Школу, а потом спроектированный художником Малютиным Теремок, где теперь собрана коллекция художественных изделий Талашкинских учеников. Храм экскурсанты осматривали сами.

В школьном классе, представленном как образец, стояли грубо сколоченные парты, керосиновая лампа на столе учителя, учебные пособия столетней давности… На то, что школа не совсем обычная, а сельскохозяйственная и отчасти ремесленная, указывали экспонаты: плуг, какие-то рубанки, швейная машинка, фрукты и овощи из пластмассы.

Экскурсовод предложила устроиться за партами («Похожие парты еще и у нас были, когда я в школе училась», – подумала Елена Семеновна, усаживаясь) и начала: «После приобретения Талашкина княгиня почти сразу задумала устроить сельскохозяйственную школу для крестьянских детей. Однако в Талашкине это осуществить было трудно: там уже много всего имелось – и молокозавод, и оранжереи, и конезавод… В общем, через год с небольшим Тенишевой удалось присоединить к талашкинскому имению расположенное рядом Фленово. Здесь-то и была основана Талашкинская сельскохозяйственная школа для крестьянских детей. Осенью 1896-го в нее пришли первые ученики…».

Глава 2. Савося Тиунов поступает в школу.

– Маня, больше нельзя набирать! – Святополк-Четвертинская подошла к Тенишевой, раскрасневшаяся, счастливая – Все места уже заполнены, мы больше не можем взять!

– Да, Киту[1], – кивнула Мария Тенишева, – подумать только, как изменилось отношение простых людей к школам! Не только не приходится уговаривать, но мест не хватает – ведут детей целыми семьями.

– Тех сирот я все же записала…

– Да-да, сирот в первую очередь! Их мы берем на полное обеспечение. Некоторые издалека приехали, так рано, чуть не с ночи… Они уже голодные, конечно, а обед не скоро. Я раздам хотя бы бублики и пряники…

Дети, в большинстве державшиеся поначалу робко, после молебна в здании школы расхрабрились. Некоторые разошлись по территории, оглядывая недавно посаженный яблоневый сад, новые постройки. Полученные от княгини бублики жевались с удовольствием, на ходу…

– Ваше сиятельство, – к Марии Клавдиевне подошла группа маляров. Говорил старший в артели. «Митяем, кажется, его называли», – припомнила княгиня.

– Так что работы завершены, поглядите сами, славно как вышло! –

Тенишева улыбнулась. Она уже смотрела постройки, работа маляров ей нравилась, и они знали об этом. Теперь, выбрав удачный по их мнению момент, эти молодые рабочие явно напрашивались получить сверх договора, «на водку». Что ж, пожалуй, заслужили! Мария Клавдиевна открыла сумочку. После положенных благодарностей Митяй, продолжая кланяться, но уже расхрабрившись, попросил, указывая на стоявшего рядом с рабочими пацана: Ваше сиятельство, а мальчонку нашего, Савосю, Сашку тоись, не возьмете в школу? У него мать

[1] Киту (вместо Китти) – уменьшительное имя княгини Е.К. Святополк-Четвертинской. Так однажды в шутку окликнул ее, ребенка, будущий Император Александр III. После этого домашние и подруги стали ее называть этим именем.

четыре месяца как сгинула – странница была, богомолка, на Ходынке пропала – крестьянка Матрена Тиунова. Погибла, должно. А батька раньше умер. Способный пацанчик: по дереву резать научился, узоры придумывать может, колер, если надо, сам подберет…

Княгиня посмотрела на мальчика. Лицо шелушится от загара, где кожа облезла – веснушки, и руки загорелые, шелушащиеся – на солнце малярничал. Выцветшие волосы пострижены неровно. На срезах кончики топорщатся – видно, сегодня постригли. Одет бедно, но чисто. Маляры вообще подошли к ней по-праздничному – не в рабочих, заляпанных краской одеждах; готовились, конечно. Митяй и еще двое в сапогах. Что ж, молодцы, так и надо. Мальчик тоже был в чистой ситцевой рубахе, даже босые ступни довольно чистые. Штаны коротковаты, и видны худые щиколотки, еще не успевшие покрыться пылью… Смотрел он на княгиню смело, но с вопросом, с просьбой даже в глазах. И картуз в руках сжимал слишком сильно, мял его от волнения. «На вид ему лет девять … – размышляла княгиня. –

Взгляд смышленый и по возрасту подходит».

– Саша, хочешь в школу? – обратилась к мальчику Мария Клавдиевна. – Ты сам-то хочешь?

Ребенок ответил неожиданно смело: Да, Ваше сиятельство, хочу. Я маляром хочу или столяром стать – чтобы узоры красивые делать… Или, может, краской рисовать…

Княгиня кивнула: У нас будет непременно и ремесленное отделение.

Эта мысль только что, в процессе разговора, оформилась у нее в голове, но закрепилась быстро, так как зрела давно. И Мария Клавдиевна уверенно добавила: Да, кроме сельскохозяйственных специальностей, будем ремеслам обучать: мальчиков столярному делу, девочек – вышиванию.

«Набор уже закончен, – размышляла она межу тем, – Однако мальчишка этот, видно, неплохой, да и, главное, сирота, куда ж он пойдет? Пусть учится пока. Если с малярами этими от заказа к заказу переходить будет, то сопьется скоро».

Распрощавшись с довольными малярами и взяв мальчика за руку, она повела его к Киту.

– Нет больше мест, Маня! Если берем его – она кивнула на Сашу, – надо расширять смету. Впрочем, и без того, с учетом мастерских, первоначальные расчеты придется корректировать. Согласится ли князь?

Киту говорила, как всегда спокойно. Их дружба, начавшаяся еще в детстве, была гармонична и безмятежна именно потому, что подруги хорошо дополняли друг друга. Сдержанная, обстоятельная Киту уравновешивала яркую, иногда излишне эмоциональную Маню. Именно поэтому, да еще исходя из организационных способностей Святополк-Четвертинской, ее опыта в осуществлении хозяйственных преобразований, проницательный князь предложил Екатерине Константиновне оставаться в Талашкине и совместно с Марией Клавдиевной руководить хозяйством.

– О, не беспокойся! – улыбнулась Маня. – Князь, думаю, не будет возражать, я его уговорю!

Через час Савося Тиунов, наделенный таким же, как у других детей, бубликом, бродил вокруг школы. Он хорошо знал все хозяйственные постройки – и школу, и общежитие со столовой. В общежитии, где теперь он будет жить, он сам кое-что вырезал и красил. Вот этот наличник, например, – его рук дело! Зря дядя Митяй, старший артельщик, ему тогда подзатыльника дал… Савося нарочно покрасил наличник краской немного другого оттенка, чем велели, – и красивше вышло, вон как сияет! И Васька, и другие маляры тогда сказали: Митяй, не бей мальца, и так сойдет, красивше даже вышло – правильно он колер подобрал! А теперь Савося сам здесь жить будет, за этими наличниками – это же для школьников хата, туда вчера кровати заносили… Спасибо дяде Митяю и Ваське, и другим – определили его, не бросили. Мальчику стало немного грустно: привык он уже малярничать с артелью…

«Чего разглядываешь? – услышал он рядом. Мальчишка такого же роста, как он, – чернявый, курносый, в выцветшей ситцевой рубахе, стоял рядом. – Тебя тоже приняли? – он кивнул на Савосин надкусанный бублик.

– А как же! А тебя?

– Меня тоже! Я солдатский сын, меня и взяли. Я только бублик уже съел, а и мне княгиня дала… Добрая… Меня аж из-под Ельни мамка привела! Пошла уже назад, путь неблизкий. Я теперь здеся жить буду. А ты? Почему тебя взяли?

– Я сирота. Мамка на Ходынке сгинула. Я с малярами работал – красить умею, колер подбирать! – Савося принял очень уверенный вид. – Конечно, и я здеся теперь – где же еще?! А я эти наличники красил! – все же не удержался, похвастался он, кивнув на дом. – Меня Сашкой кличут. А можно Савосей. Меня мамка Савосей звала.

– А я Артем Нестерук, Артюшка значит. И еще еды сегодня дадут! Та барыня, что записывала, сказала: «Не уходи далеко. Скоро будет обед». Накормят, тоись.

Сашка кивнул. Накормят – это хорошо. Хотя он с малярами ел сегодня утром тюрю на квасе и еще не сильно проголодался.

Они вышли на полянку за недавно посаженным яблоневым садом. Дорога вела в Талашкино, к господскому дому. Под березой усатый барин с большим носом увлеченно рисовал на холсте. Холст был закреплен на высокой планке, так, чтобы художнику удобно было дотянуться… Савося уже видел этого художника, он гостил у княгини. У нее всегда много гостей – ходят по парку, рисуют. Мальчики остановились поодаль, вытянули шеи, чтобы взглянуть на холст, пока барин их не заметил. На холсте было что-то непонятно-зеленое, размалеванное разными оттенками. Художник не красил ровненько, не водил кистью – как в артели маляры делали – а резко бросал кистью краску, опять возвращался к палитре, мешал краски, другим оттенком подмазывал… Саша вздохнул. Эх, если б ему разрешили хоть раз провести кистью так свободно, мешая оттенки по туго натянутому холсту!

Глава 3. Роковая прогулка.

– Если вопросов больше нет, можете пройти к Храму, – завершила экскурсовод.

– Простите, а Вы не могли бы нас и туда тоже сопроводить? – набралась храбрости Елена Семеновна. – Мы оплатили полную экскурсию!

Ей давно хотелось подробнее узнать о строительстве Храма, о его загадочной судьбе. Экскурсоводы обычно, как и сегодня, ограничивались кратким сообщением: «Архитектор Малютин, художник Рерих. Внутренняя роспись, к сожалению, утрачена».

– Ну, – недовольно ответила экскурсовод, – я же все сказала. И про Храм тоже. Там только снаружи есть что смотреть. Внутрь мы не пускаем – внутри все голо. Крышу, слава Богу, в прошлом году починили, а так… Будем восстанавливать фрески, это долгая песня; может, через год-два будет что показать. Сейчас как раз реставратор из Москвы к нам приехал. Храм ведь мало того, что разорен, изначально недострой был. Строительство еще не вполне завершили в 1903-ем, когда умер князь. Его тело было в мумифицированном виде привезено из Франции и захоронено в подвальном этаже недостроенного Храма.

– Как?! – закричали студенты разноголосым хором. – Прямо-таки в подвале в виде мумии захоронили?! Он и сейчас там?!

– Сейчас нет. – опять пожала плечами экскурсовод. – Сейчас там вообще ничего нет. Тело в 1923-ем году перезахоронили на кладбище, могила затеряна теперь. А что мумифицировано было тело, это так уж в силу обстоятельств получилось: он умер во Франции; тело мумифицировали, чтобы довезти в Россию. И в таком виде захоронили, в цокольном этаже Храма. Красиво княгиня сделала: в прозрачном саркофаге мумия. В подвале и положили. Строительство приостановили еще раньше. А там события 1905-го, война, революция… Все прахом пошло.

А перезахоронили уже после Октябрьской революции крестьяне наши. В общем, нечего особо рассказывать – снаружи можете сами посмотреть.

Выйти из Теремка было не так-то просто: деревянная винтовая лесенка узкая, скрипучая… Спускаться по такой еще труднее, чем подниматься. Елена Семеновна хитро поступила: якобы на Тенишевские эмали засмотревшись, всех вперед пропустила, а потом приставными шажками спускалась со ступеньки на ступеньку, держась рукой за хрупкие перильца: еще грохнуться не хватало на глазах у студентов. Они-то быстро сбежали.

Смущенная преподавательница в одиночестве снимала бахилы – тоже не так легко, – но когда вышла за дверь Теремка, обрадовалась: ждут ее, не пошли сами, даже больше студентов стало – действительно этот Костя Разумов пришел!

– Что ж Вы к шапочному разбору, – обратилась она к Косте, – уже и экскурсия закончилась… Храм только посмотреть осталось, и все.

– Ничего, Елена Семеновна, – весело ответил тот. – Я больше не для экскурсии, а с ребятами пообщаться. Я в этом музее уже несколько раз был – и в Теремке, и в школе – мы тут и в прошлое лето жили, так я часто сюда приходил.

К Храму нужно было подняться на высокий холм, поднимались вместе. Храм возвышался, выделяясь на зеленом холме яркой росписью. Здесь группа разбрелась: кто-то решил обойти вокруг, другие, почти не задержавшись, начали спускаться, большинство постояли молча, разглядывая знакомую по репродукциям роспись Рериха «Спас Нерукотворный».

– Подождите нас внизу, потом вместе по территории пройдем! – крикнула вслед спускавшимся Елена Семеновна. К ее удивлению, они опять послушно ждали. Оказалось – хотят все вместе сфотографироваться возле холма с видом на Храм, и чтоб она тоже была. Фотографировали тут многие, однако общий снимок делала Света Фенина, у которой имелся профессиональный большой фотоаппарат: девочка собиралась стать фотожурналистом и накапливала опыт, публикуя снимки не только в факультетской газете «Аудитория», но и в журнале «Смоленск».

Территория, которую занимает музейный комплекс, довольно большая. Сохранившееся здание сельскохозяйственной школы для крестьянских детей, остатки одичавшего яблоневого сада позади школы, под прямым углом к школе Теремок, справа от него холм, на вершине которого расположен Храм. С третьей стороны, за памятником княгине Тенишевой, – дорога к аллее, по которой пришли сюда. Эта аллея идет к музейному комплексу от Рославльского шоссе. Ну а прямо – рощица, за ней же, как помнила Шварц, довольно большое, красивое озеро…

– Домой поедем или прогуляемся по территории? – спросила Елена Семеновна.

Студенты опять загалдели, шумно споря. Ну вот все вопросы они решают путем галдежа, демократия у них такая! – усмехнулась про себя преподавательница. Прогуляться, впрочем, захотели все, разногласия были по поводу того, в какую сторону идти – яблоневый сад посмотреть или озеро? Результатом вече стало решение пройтись в сторону озера: яблоки в саду еще не созрели, кислые совсем, маленькие, а смотреть на них что, яблок незрелых они что ли не видели?

Решающий голос оказался у Кости, он и впрямь все здесь знал, он к озеру и повел. Небольшой, но шумной группкой студенты прошли через центральную площадку в сторону рощицы и там стали разбредаться. Елена Семеновна опять шла позади группы, не спеша. Центральная площадка не очень большая, но как здесь красиво! Кусты сирени уже зацветают, деревья сильно разрослись вширь, ветки их, похоже, не обрезают, как сейчас принято в городе, и от этого они так живописно нависают над крохотными елочками, над скамьей у входа в школу, над постриженной травой. Территория была неплохо ухожена, впрочем, здесь сама природа настолько привлекательна, что нужно всего лишь сохранить, не поломать ее вечную красоту…

Видно, что сотрудники свой музей любят. «Только вот посетителей что-то мало: кроме нас и нет никого», – подумала Шварц.

– А что это экскурсантов совсем нет? – спросил и Виталий. Он опять рядом с Еленой Семеновной оказался. – Хороший же музей! Про князя так интересно, и вообще – как они эти балалайки разрисовывали…

– Не сезон еще, наверно, – пожала плечами Шварц. – И пятница. Наверно, завтра, в субботу, побольше будет народу. Да ведь нам и хорошо, что экскурсантов, кроме нас, нет! Гуляем, никто нам не мешает, не торопит, осмотреть можем все не спеша и не толкаясь.

Они уже входили в рощицу. «Где еще такую красивую природу увидишь, как в нашем Талашкине?! – расчувствовалась Елена Семеновна. Студенты, шедшие впереди, то и дело останавливались, углублялись в боковые аллейки – фотографировались парами, поодиночке, группками. Света постоянно щелкала своим большим фотоаппаратом: озеро, деревья, сокурсников.

– Елена Семеновна! – позвала она. – Идите сюда, вон под той сиренью Вас сфотографирую – хороший снимок выйдет.

Елена Семеновна не очень любила фотографироваться, однако местность располагала. В окружении цветущей сирени может получиться неплохо. Тем более, Света, кажется, действительно мастер. Света Фенина, худенькая высокая девочка с живыми карими глазами на узком лице выглядела сейчас весьма вдохновенно – ей нравилась работа фотографа.

– Нет-нет, не сюда. С той стороны станьте, чтобы озеро в кадр попало! И голову поверните немного вправо, вон на то дерево смотрите!

Шварц повернула голову в указанном направлении. Дерево, на которое ей велели смотреть, располагалось на некотором расстоянии, небольшом. Выглядело оно действительно живописно. Оно было очень старое, вероятно: огромное, с широким сильно накренившимся стволом, с разлапистыми, полными листьев ветвями. Приглядевшись, Елена Семеновна заметила, что под деревом кто-то сидит. Даже полулежит, прислонившись к дереву. Мужчина – в сдвинутой набекрень кепке, в свободной, расхлябанной позе… Пока Света, прищурившись в объектив, настраивала фотоаппарат – крутила какие-то колесики, – Шварц разглядывала мужчину под деревом. И он все меньше нравился ей. Как-то странно он сидел. Поза расхлябанная, а не шевелится… Да, абсолютно неподвижен в неудобной позе. Спящий или пьяный лег бы более удобно… Ужасное предчувствие возникло у Елены Семеновны. И зачем только Света велела ей смотреть в ту сторону! Она сделала робкий шаг по направлению к неестественно развалившейся под деревом фигуре…

– Все, Елена Семеновна! Можете посмотреть, как получилось! – Света шла к ней с фотоаппаратом.

– Да-да, хорошо, спасибо, – она едва взглянула в окошечко фотоаппарата и опять отвернулась к полулежащему мужчине.

– Мне кажется, ему плохо стало, – пробормотала она в ответ на недоумевающий взгляд студентки. И кивнула в сторону дерева. – Он не просто так здесь присел.

Глава 4. Новый ученик Прохор Хамченко.

Вот и поворот на Талашкино – кучер Василий сворачивает с Рославльского большака. Ландо, запряженное четверней, плавно катится по гладкому грунту. «Деревья хорошо разрослись вдоль дороги – отмечает Маня. – Как я соскучилась!» Княгиня Тенишева с удовольствием глубоко вдыхает Талашкинский воздух – совсем другой, чем в Петербурге. Очень скоро она пройдется по парку, посидит в кресле на балконе своего кабинета… И конечно, Школа! Прежде всего она пойдет в Школу. Что там, все ли ладно? Она не была в Смоленске почти полгода: муж так увлечен подготовкой к Парижской выставке, она тоже была занята. Зимой об отъезде не могло быть и речи, но даже, когда появилась возможность, Вячеслав не сразу отпустил ее из Петербурга. А ведь без нее в Школе постоянные неурядицы.

Лошади прошли под арочными воротами, слева газон, траву уже скосили! Начинаются любимые места! От газона, кланяясь и приветственно воздев руку, навстречу экипажу шла женщина. Княгиня пригляделась, узнавая: да, жена школьного агронома Завьялова. «Останови, Василий!» – обратилась она к кучеру.

– Здравствуйте, Мария Клавдиевна! Слава Богу, приехали! Заждались мы Вас, соскучились! – женщина уже стояла возле ландо. Она сильно запыхалась, но на лице ее сияла радостная улыбка. Андрей Иванович Завьялов был школьный агроном – дельный, однако сильно пьющий. Жена тщетно пыталась скрыть этот его недостаток. Да и сама она не нравилась княгине: много льстит, много врет. К тому же Завьяловы постоянно конфликтовали с Панковыми. Николая Гурьевича Панкова княгиня взяла заведующим школой еще в 1895 году. С работой, как и Завьялов, справлялся. Однако учителя постоянно ссорились, и очень напрягали княгиню их жены: они не были приучены к хозяйству, скучали по городу, сплетничали. В общем, несмотря на все усилия княгини, в коллективе сложились дурные отношения. Выписанные княгиней журналы оставались неразрезанными, не читали учителя и книги по специальности, которые княгиня тоже обильно выписывала для школьной библиотеки. За прошедшие годы Тенишева сильно разочаровалась. Учителя оказались другими, нежели она себе представляла; они не слишком преданы делу, их поступками часто двигают мелкие интересы, зависть. В Школе постоянно вспыхивают какие-то истории. А ведь каждой учительской семье она выделила уютную квартиру рядом с ученическим общежитием, небольшой садик. Грядки можно развести, в конце концов… Жена Завьялова постоянно заискивала перед ней. Вот и сейчас она заговорила быстро, прижав одну руку к груди, а другой ухватившись за поручень ландо, как бы удерживая экипаж.

– Ох, Мария Клавдиевна, как я рада, как рада Вашему приезду! А ведь у нас новый ученик! Уж не прогневайтесь – я взяла на свой страх и риск! Мальчик чудесный, сирота! Такая трогательная история с ним произошла, что я уж подумала: княгиня с ее добрым сердцем этого сиротинку непременно взяла бы. Нельзя его отпускать. Ну вот буквально Высший Случай привел его к нам! Представьте, Мария Клавдиевна, что этот мальчик, Проша Хамченко, шел по большаку в Рославль. И увидел на повороте во Фленово надпись на столбе: «Народная школа». Он решил завернуть туда, посмотреть на Школу: очень уж он учиться мечтал. Мы, конечно, обогрели, обласкали сироту. Все учителя пришли в умиление от его ума и развития! И решились оставить его пансионером, надеясь на Вашу доброту. Когда Вы увидите этого ребенка, Вы сами придете в восторг, не сомневаюсь!

– Ну, не выгонять же мальчика, раз уж учится… – вздохнула княгиня. – Я скоро подойду в Школу… Трогай, Василий!

Дома она намеревалась пробыть недолго. Хотела отправиться в Школу, не дожидаясь обеда. Попросила горничную Лизу принести чаю с бубликом.

– Мария Кладвиевна, а обедать разве не будете? – забеспокоилась горничная. Да Вы ведь и не переоделись даже!

Лиза служила у княгини еще со времен ее первого, неудачного замужества; они прекрасно ладили, у них были доверительные отношения. Лиза иногда позволяла себе даже критиковать княгиню:

– Как Вы одеваетесь! Все в одном ходите. Совсем за собой не следите – Вам бы только рисовать или Школу благоустраивать. Нет бы каждый день новое платье надевать, наряжаться… Другая бы на Вашем месте только и знала, что наряжалась и драгоценности меняла…

Княгиня в ответ посмеивалась. Она знала, что Лиза ее любит искренне, а разговоры такие позволяет себе с ней, любя ее. Вот и сейчас Лиза была ею недовольна. Что ж, княгиня в этот раз к ее голосу прислушалась и осталась обедать.

До Школы от господского дома не более версты. Она отправилась туда сразу после обеда в двуколке, запряженной одной лошадью. Фленово так удачно примыкает к Талашкину, огибая

его с трех сторон! Долго она добивалась этого клочка земли, и все ж сумела его присоединить почти десять лет назад. Идеально для Школы. Встречать ее вышел один Панков. Он только что вернулся с пасеки вместе с группой учеников: после уроков летом предусматривалась сельскохозяйственная практика. Княгиня устроила все так, чтобы труд учеников не использовался на барских работах. Это должно быть делом нанятых рабочих. А для школьников были специальные учебные места – в поле, в мастерских. Завьялов и другие учителя вместе с учениками находились сейчас кто в саду, кто в поле. При школе имелся сад, огород, учебная пасека. В прошлом году княгиня расширила учебные профили, организовав и мастерские. Они находились подальше, в Талашкине. Приглашенный по совету Врубеля Малютин увлек школьников резьбой по дереву, столярным делом. Девочек обучали вышиванию. Школьники были заняты круглый год. Они получали профессии, дающие возможность неплохо по крестьянским меркам зарабатывать.

– Что этот новый мальчик – сирота, которого взяли без меня? – спросила княгиня у Панкова.– Завьялова говорит – мол, способный.– Заведующий усмехнулся:

Это Прошка Хамченко? Способный-то он способный… Где ж ему не быть способному, когда он старше других учеников намного. Завьялова пристала, как репей: «Возьмем да возьмем». Получила она от него что-то, помяните мое слово, не просто так хлопочет… Ну, учителя-то им довольны – схватывает на лету. Как Вы прикажете? Оставлять его? Да вон он идет! Выше всех, верста коломенская. Можете сами поговорить.

Из рощицы вышла небольшая группа школьников с тяпками в руках. Они сняли картузы и прошли мимо, улыбаясь, кланяясь и громко здороваясь с княгиней. Княгиня кивала, внимательно глядя на Хамченко. Под картузом «мальчик» оказался рыжим. Мордатая красная физиономия, настороженный взгляд. Да какой же он ребенок, ему под двадцать, женить пора! Княгиня вздохнула, по-прежнему разглядывая нового ученика, их недоверчивые взгляды скрестились. Сама бы она такого великовозрастного вряд ли оставила. Однако намек Панкова на полученную Завьяловой взятку был ей крайне неприятен: нехорошие нравы в школе, вот и доносы пошли… Нет, она не будет принимать наговор в расчет, доносительство необходимо искоренять! И вообще… «Ну, поскольку уже взяли – пусть учится», – решила она.

Глава 5. Неожиданные встречи.

Первоначальное любопытство и ужас постепенно улеглись, уступив место скуке и нетерпению, а допрос все длился. Студенты уже глотнули адреналин происшествия, успели остыть от него и теперь хотели только побыстрее уехать из Талашкина, тем более, что водитель университетского микроавтобуса заявил, что никого не будет дожидаться и уехал в гордом одиночестве ровно в 16.30. Он не подвергался допросу, поскольку ждал студентов в машине на шоссе и не был на месте обнаружения трупа. В 17 у него кончался рабочий день, он решил, что имеет право уехать. Шварц не смогла его задержать, это ее расстраивало. Автобус из Талашкина ходит часто, но все ж Елене Семеновне не хотелось заставлять студентов добираться до города поздно вечером. Эта легкомысленная молодежь может и на попутку сесть, а ведь она за них отвечает.

Вокруг дерева с полулежащей неподвижной фигурой уже собралось довольно много народа: жители поселка, врач и несколько полицейских: местный участковый Анисин – немолодой, расстроенный происшествием мужчина – а также группа из убойного отдела, по вызову приехавшая из города. Первым появился, конечно, Анисин. Оказалось, что он ловил рыбу здесь же в озере недалеко от места происшествия, поэтому пришел очень быстро: кто-то из местных позвонил ему по мобильному. Он был с приятелем, приехавшим из города на рыбную ловлю. Каково же было удивление Шварц, когда она узнала во втором рыболове давнего своего знакомого – пенсионера, а в прошлом милиционера Порфирия Петровича Потапова. Пока шло разбирательство, Потапов скромно стоял в толпе зевак. С Еленой Семеновной они друг другу

только кивнули – Шварц была подавлена неожиданно драматическим завершением рядовой экскурсии. О Потапове она быстро забыла: она ожидала допроса и волновалась за студентов. Именно Шварц указала на труп Свете Фениной. Остальные студенты прибежали на Светин крик. Мужчина полулежал под деревом: молодой, одет прилично, только кепка как-то странно, набекрень сидит. Поза неестественная: одна рука в карман засунута, что в положении полулежа неудобно. Что это именно смерть, и не по естественным причинам она произошла стало ясно, как только они увидели лицо потерпевшего… Глаза выпучены, как бывает после удушения, а во рту маленькая трубочка, свернутая из газеты… Это что, кляп такой странный, что ли? Ни Елена Семеновна, ни студенты ничего не трогали: она им сразу же объяснила, что нельзя.

Все это Елена Семеновна рассказала Анисину и еще одному полицейскому, который из Смоленска приехал – майор Демин. Студентов опросили раньше, они мало что могли сказать, но в целом показания сходились.

После допроса Шварц отошла в сторону, огляделась: люди все еще толпились, чего-то ожидая, однако студенты все ушли, кроме Кости («Ах да, он же здесь живет» – подумала она). Вдруг кто-то тронул ее за плечо: «Леля, как ты тут оказалась?!». Елена Семеновна повернула голову и увидела Милу.

С Милой они когда-то вместе учились на факультете иностранных языков Смоленского пединститута. Давненько это было, однако… Поскольку обе остались работать в вузах Смоленска, и потом встречались часто, дружили. Людмила Сергеевна несколько лет назад вышла на пенсию. «У ее сына дача в Талашкине…» – вспомнила Шварц и спросила:

– А ты, наверно, у сына была? Сегодня домой собираешься? Вместе бы поехали…

Мила немного смутилась.

– Сын-то не здесь, он в Смоленске, работает, а я на даче с младшим внуком уже три дня. Я и не собиралась ехать, с ним невестка должна была здесь жить. Но у нее тоже образовалась срочная работа, и попросили меня. Неожиданно получилось, поэтому я тебе еще не успела позвонить. Сегодня, кстати, собиралась – хочу пригласить тебя пожить здесь несколько дней со мной..

В процессе разговора Леля не то чтобы забыла про труп, но тема увлекла. Дачу эту сын Милочки, Володя, купил недорого два года назад, и Леля была об этой покупке наслышана. Это был обычный деревенский дом, без удобств. Мила давно звала пожить там вдвоем – сын редко приезжал. Но Елена Семеновна не слишком любила спокойную сельскую жизнь, ей не надоедал шум города.

– Елена Семеновна, – кто-то тронул ее за плечо. Она повернулась – это Костя Разумов подошел.

– Елена Семеновна, ребята уже разошлись – на рейсовом поехали.

– Да, я поняла и сама. Меня не подождали… Ну ладно, я надеюсь нормально доберутся, люди взрослые. Вот какая у нас неудачная экскурсия получилась, Костя! А Вас допросили уже? Хотя что Вы могли сказать, Вы к концу уже подошли, почти одновременно с полицией. –

Костя действительно что-то показывал ребятам возле самого озера и подошел к найденному преподавательницей телу одним из последних. Костя усмехнулся.

– Я как раз сказал. Я этого убитого знаю.

Тут Елена Семеновна спохватилась. И правда, что с ней случилось сегодня? Она себя не узнавала. Обычная живость и сообразительность оставили ее – наверно, потому что над всеми чувствами преобладает ответственность за студентов. Полдня стоит возле тела, а даже не подумала – кто же это…

– И кто же это? – спросила она заинтересованно.

– Реставратор из Москвы. Он приехал сюда Храм реставрировать четыре дня назад. Я с ним знаком, общались, когда он приезжал, еще в прошлом году. Его звали Александр Леонидович, Саша. Интересный был человек… Жаль его. А Вы сегодня в Смоленск поедете или

заночуете здесь? Я могу устроить, если надо. Мы тут живем, родители недалеко от шоссе коттедж в прошлом году купили – ну, дача это у нас теперь.

– Нет-нет, я, конечно, в Смоленск. Ведь автобусы еще ходят? Если нет, такси вызову. Не дороже же денег! – Ей хотелось побыстрее выбраться из Талашкина, вернуться домой и забыть происшествие.

– Елена Семеновна, Вы в Смоленск сейчас? – Она повернулась на голос. Ах, да, это Потапов.

– Да, конечно, в Смоленск, Порфирий Петрович!

– Могу Вас захватить. Я на машине здесь.

– Спасибо! – обрадовалась Шварц. – Я и не знала, что у Вас есть машина.

– Купил недавно, на рыбалку ездить.

Машина Потапова оказалась подержанной «Ладой». Для рыбалки нормально – молодец Петрович. И ей повезло – доедет быстро. Елена Семеновна уселась рядом с водителем, пристегнулась. Потапов тронул.

Выехали на Рославльское шоссе. Потапов не гнал, но шел довольно быстро: уже начало темнеть и поток машин по сравнению с дневным временем поубавился.

– Это Вы, говорят, нашли тело? – спросил Потапов.– Везет же Вам!

– К сожалению, я.

– А я к Степанычу приехал порыбачить. Он участковым здесь, кореш мой давний. Вот и порыбачили!

– А я на экскурсию со студентами сходила! – Она неожиданно для себя развеселилась: напряжение этого дня требовало разрядки. – Везет нам с Вами! Третий раз в жизни встречаемся, и все возле трупов![2]

Потапов захохотал: Ну, я хоть и на пенсии, а все ж должность у меня была такая… А вот Вы чего ж в такие дела ввязываетесь… Это напрасно!

– Где ж я ввязываюсь… Елена Семеновна решила пококетничать, пожала даже плечами. Потапов, впрочем, на дорогу смотрел. – Они сами ко мне липнут. Вот сейчас, например, ну почему именно я этого реставратора увидела?

– Реставратора? – удивился Потапов. – Это Вы про потерпевшего? Откуда Вы знаете, что он реставратор? Он из Смоленска, что ли?

– Нет, из Москвы приехал три дня назад. Мне Костя про него сказал.

– Костя? Это тот молодой человек, что стоял возле Вас, когда я подошел?

– Да. Студент. Он здесь в коттеджном поселке живет. А что это Вы расспрашиваете? Или решили заняться расследованием?

Теперь уже Потапов пожал плечами. Смотрел, впрочем, по-прежнему на дорогу.

– Нет, конечно. С какой стати? Там есть кому расследовать без меня. Но дело, между прочим, трудное. Реставратор, конечно, уже ниточка… – Потапов задумался. Они ехали теперь по городу. Вдруг разом зажглись огни – стемнело.

– Вас куда везти? – спросил Потапов.

– На 2-ую Красногвардейскую! Я так там и осталась, Вы ж помните, наверно…

Потапов кивнул: Хорошо, и мне по пути…

Он жил на Багратиона, Шварц тоже помнила. Проехал по дамбе – и дома.

Потапов остановил машину возле ее подъезда. Простились довольно сухо Странно вообще, что они опять встретились. И впрямь – третий раз встречаются в экстремальных обстоятельствах…

---

[2] О предыдущих приключениях Потапова и Шварц рассказывается в романах Л. Горелик «Русское сокровище Наполеона» и «Утраченный дневник Гете» (изд-во Эксмо) .

Дома она долго пила чай – спать, несмотря на усталость, не хотелось. Попала она опять в историю! И зачем фотографироваться стала! Прошла б мимо – и все. И без нее бы этот труп обнаружили. А теперь не может избавиться от наваждения: старое развесистое дерево, полулежащий мужчина в странной позе, с выпученными глазами…Фу, не думать, не думать! Но зачем у него во рту была эта трубочка из газеты? Ведь ее убийца туда засунул.. И это не кляп: трубочка слишком мала. Очень хотелось бы узнать, что в этой газете – может это ключ к убийству. Леля была любознательная, ей всегда хотелось вникнуть в события и расставить все по полочкам. А уж в случае экстремальных событий!.. Долго думала. Потом все же усталость взяла свое, и она заснула.

Проснулась поздним утром в каком-то смутном, совершенно не свойственном ей, настроении. И не могла понять, с чего бы это. Ну, обнаружила вчера труп, так не впервой же с ней такое (тут она усмехнулась). Ну, из-за трупа не очень удачная экскурсия вышла… Хотя почему? В остальном все удалось, и студентам нравилось. И вообще, у нее отпуск с сегодняшнего дня начинается!

Однако мысль об отпуске не взбодрила. «К чему себя обманывать, Леля, – сказала она себе. – Ты была на почасовке, у тебя просто кончились занятия. А отпуск тут ни при чем. Ты пенсионерка, Леля! Никаких отпусков у тебя теперь нет, как нет и постоянной работы. Посмотри правде в глаза».

Елена Семеновна, впрочем, отмахнулась от этих неприятных мыслей и стала думать, чем бы ей заняться, ведь времени свободного теперь будет – завались. В университете она никому не нужна, подруги почти все разъехались – кто в Грецию, кто в Крым… Племянник Юрка с семьей – на даче в Пржевальском. Съездить, может, и ей к ним на денек? Долго она в деревне не выдержит. Далековато, правда – четыре часа на автобусе туда, четыре обратно. А может, к Милочке в Талашкино? Это ведь рядом. Интересно Петрович (она Потапова про себя называла, как и другие, Петровичем) вчера сказал: «Реставратор – это уже ниточка». И ведь в какой странной позе сидел этот реставратор… Поза – тоже ниточка. И все же: почему газета во рту?

Елена Семеновна, еще не вполне осознав, что делает, схватила мобильник.

– Милочка? Как ты там? Ага, я так и знала, что скучаешь. Мне и вчера так показалось. Все вспоминаю о нашей вчерашней случайной встрече. Если ты еще не передумала меня приглашать, я и впрямь приеду. На пару дней или даже, если понравится, на недельку. Когда? Сейчас соберусь – и поеду! – Елена Семеновна быстро сложила нужные вещи в рюкзак. Напялила шляпу, взяла зонтик и отправилась.

Глава 6. Растерзанный Демон.

В Талашкине всегда было много гостей. Некоторые жили почти постоянно, другие приезжали – на лето, на месяц, на неделю… Особенно Мария Клавдиевна привечала художников и музыкантов. Были среди них очень знаменитые, а были и неудачники, – для последних имение Тенишевых становилось своего рода бесплатным санаторием с хорошим питанием, свежим воздухом, интересным времяпровождением: можно отдохнуть, поправить здоровье, набраться сил. Другие приезжали ради бесед с просвещенной владелицей усадьбы. Многие принимали активное участие в художественных замыслах меценатки, иногда они становились постоянными служащими при Школе. Княгиня давала художникам большую свободу, создавала благоприятные условия для творчества и платила щедро.

Флигель, расположенный невдалеке от господского дома, никогда не пустовал. И сейчас там жили несколько гостей. Самым важным из них для Тенишевой был художник Врубель. Это был его второй приезд в Талашкино. Мария Клавдиевна придерживалась высокого мнения о таланте Врубеля. Они сблизились лет пять назад. Тогда Тенишева с сочувствием отнеслась к художнику после несправедливого решения Академии не допустить до участия в Нижегородской выставке его панно. В то лето Врубель приезжал по ее приглашению в Талашкино и

даже помог ей: разрисовал несколько балалаек и, самое главное, порекомендовал Малютина в качестве постоянного сотрудника. Малютин оказался необыкновенно полезен, малютинский стиль, как гениально угадал Врубель, абсолютно подходил к замыслам княгини. Но человеком Малютин был сложным, отношения с ним не так просто строились. В последнее время Малютин даже заговаривает о том, чтобы оставить Талашкино. И она не понимает: почему. Условия она создала ему прекрасные. А вот с Врубелем ей говорить легко. Странно: другие, напротив, считают Михаила Александровича наисложнейшим, у него ведь даже психическая болезнь в последние годы развилась… В конце концов Мария Клавдиевна решила, что ей легко с Врубелем, потому что он говорил обо всем на свете так же прямо, как она. Не было у него этой «хитрецы», которая всегда так отталкивала ее в собеседниках. Она не раз с удивлением замечала, что не только простые люди, вроде жены агронома Завьяловой, обладают хитрецой, но и некоторые люди искусства. Очень ее отталкивал этой особенностью Репин, например. А вот с Врубелем было легко.

В этот раз он приехал по ее настоятельному приглашению. Они встретились зимой в Петербурге: Тенишева устроила обед по случаю выставки картин Васнецова. Там присутствовали многие художники – все были веселы, говорили откровенно, спорили. Марии Клавдиевне особенно понравился на этом обеде Врубель – по контрасту с Репиным, которого она недолюбливала, в частности, и за меркантильность: Репин неоднократно набивался делать ее портрет, упирая на привлекательность для него ее типажа («Богиня! Юнона!» – восклицал он), а потом продавал портрет очень дорого. Деньги и были целью – догадывалась княгиня. Врубель был иной: открытый, щедрый. Княгиня очень смеялась, когда на этом обеде Врубель в ответ на упрек Репина «Да Вы и рисовать-то не умеете!…» ответил насмешливо, что может отлично рисовать даже без натурщика:

– Я начну человеческую фигуру хотя бы с пятого пальчика ноги, и она выйдет у меня правильная и пропорциональная.

Тенишева искренне считала Врубеля гением. Он отвечал ее представлениям о гениальности не только творчеством, но и самой своей личностью. И когда весной до нее дошли слухи о возможности возобновления у художника психического расстройства, она поспешила пригласить его на лето в Талашкино: пусть отдохнет после болезни на свежем воздухе. Талашкино располагает к душевному покою.

В окружении Марии Клавдиевны, в том веселом, живом обществе музыкантов, художников, литераторов, которое собиралось в Талашкине летом, порой и серьезное, и даже не очень приятное дело оборачивалось шуткой. К радости княгини поначалу мрачный Врубель очень скоро заразился от других гостей жизнерадостностью. Неожиданно легко он включился в свойственный в то лето Талашкину игровой стиль. Художник много шутил, участвовал в розыгрышах: здесь в полной мере раскрывался свойственный ему артистизм.

Вскоре после его приезда Тенишевы решились, наконец, продать Хотылево – свое имение на Брянщине. После покупки Талашкина они все равно почти не ездили туда, Хотылево стало нагрузкой, да и князю там не удавалось отдохнуть от дел – все время приставали с просьбами рабочие: его завод располагался в Бежице, недалеко от Хотылева. Продажа этого имения была трудным для Тенишевой решением: она вложила в его благоустройство много душевных и физических сил, это место когда-то было ей почти столь же родным, как теперь Талашкино. И вот – решено: с Хотылевым необходимо расстаться.

Уже прошли переговоры, все было договорено и улажено. Однако для заключения юридического договора Марии Клавдиевне следовало съездить в Хотылево. Что ж – невелик крюк для легкой на подъем, деятельной княгини. А все откладывала: знала, что поездка ее очень расстроит.

В конце концов, устроить дело вызвалась Киту – княгиня Святополк-Четвертинская, подруга Мани. Екатерина Константиновна Святополк-Четвертинская видела, что Мане тяжело

будет посетить некогда любимое Хотылево перед расставанием, и взяла труд по передаче имения новым хозяевам на себя. Обратно ее ждали поздно, во втором часу ночи – так приходил поезд. Благодарная Тенишева велела приготовить для подруги самый вкусный ужин и даже решила дождаться ее.

– Нет-нет, я сегодня спать не пойду! – заявила она после общего ужина. – Я непременно дождусь мою Киту!

Гости встретили это решение радостно – оно сулило очередное веселое приключение. Тотчас все дружно заявили, что ни в коем случае не оставят Марию Клавдиевну в одиночестве. Они тоже будут дожидаться Киту! Многочисленная компания расселась в большой столовой. Шутки не утихали. Как бы получше встретить? Чем поразить всегда серьезную Екатерину Константиновну?

– А давайте мы ее разыграем?! – Предложил кто-то из гостей.

Времени на подготовку почти не оставалось, поэтому выбрали самый непритязательный сценарий. Решили переодеться в простонародную одежду и изобразить слуг. И с реквизитом сложностей не возникнет! Одежду взяли у настоящих слуг, так что выходило все очень натурально.

Когда время приезда приблизилось, Маня отослала обслуживающий персонал, а гости переоделись и в простонародных костюмах уселись за господский стол, изображая пьянку. Костюмы и роли каждый сочинял для себя сам. Гости изощрялись в выдумках. В ожидании Киту, уже переодевшись, устроили конкурс: кто лучше придумал?!

И первое место, по общему мнению, занял Врубель! Он представлял пьяненького денщика – в расстегнутом мундире, со сбитой на затылок фуражкой. Михаил Александрович так комично пытался подняться со стула – терял равновесие, хватался за его спинку… И усы Врубеля оказались кстати: они топорщились, как у кота, он время от времени делал вид, что старается пригладить их…

И гостей, и самого Врубеля этот неожиданный образ очень веселил.

А Киту? Ее реакция превзошла все ожидания! Войдя в гостиную и увидев за господским столом непринужденно пирующую компанию слуг, Киту остолбенела – застыла, потеряв дар речи. На ее лице последовательно отразились вначале удивление, потом растерянность, потом возмущение… Минуты две она не понимала, что это розыгрыш. Возможно, не поняла бы и дольше, но кто-то из гостей не выдержал и прыснул от сдерживаемого смеха. После этого начался общий дружный хохот.

Да, в первые дни по приезде Михаил Александрович был весел. Княгиня радовалась, что сумела отвлечь его от грустных дум, от болезни. Потом, правда, он вновь погрустнел, стал уединяться. Тенишеву это беспокоило, она не понимала, что с ним происходит. Как бы не возвратилась давешняя хандра! Однако случившийся вскоре совершенно неожиданно разговор многое ей прояснил в душе художника и отчасти успокоил.

Однажды в жаркий июльский полдень Мария Клавдиевна сидела в беседке с Александрой Николаевной Зыбиной – сестрой князя Тенишева, отдыхавшей в это лето в Талашкине. Беседка, окруженная огромными цветущими липами, давала хорошую тень. Воздух благоухал липой. Женщины, укрывшись от жары, расслабились, переговаривались лениво. Разговор шел почти ни о чем, очень светский. Перескакивали с темы на тему – о породах собак, о Петербургском балете… Было хорошо, но скучновато, и Тенишева окликнула проходившего мимо Михаила Александровича. Врубель присоединился к дамам. Как и ожидалось, в присутствии художника беседа стала более содержательной и быстро перешла на живопись.

– Я не понимаю Вашей страсти писать «Демонов», – сказала Александра Николаевна не без кокетства, – «Демон сидящий», «Демон летящий»… Зачем так много рисовать этого злобного духа? Чем он Вас привлек?

– Он не злобный… – ответил Врубель задумчиво. – Страдающий, да. Страдание – не злоба.

– Но ведь это…это дьявол? – настаивала Зыбина.

– Нет! – быстро возразил Врубель. – Это не дьявол. Это один из нас. Только очень сильно страдающий, не верящий в добро. Он… разочаровался. Он не верит больше ни в красоту, ни в гармонию, ни… в Бога.

– И Вы сочувствуете ему?– спросила Тенишева.

– Я его понимаю! – вскинул голову художник. – Посмотрите вокруг! В нашей жизни нет любви. Люди не любят друг друга. Довериться другому – значит погубить себя… В человеческом мире нет гармонии. Нет добра. Нет любви. Одно фарисейство вокруг. Как можно быть счастливым, если большинство окружающих страдают! Посмотрите на простых людей – их много, и все они бедны. Можно ли говорить о гармонии, если часть населения лишена возможности получать вдоволь еды! Если другая часть людей заботится лишь о собственном обогащении, наплевав на чужие интересы! Мир не гармоничен! Он устроен плохо…

– Я не могу согласиться с Вами, – горячо возразила Мария Клавдиевна. – В нашей жизни много злобы, но есть и добро. Есть любовь. А значит возможна вера. Это Бог побуждает нас делать добро, украшать жизнь. Он хочет научить нас самих гармонизировать жизнь вокруг себя, улучшать ее. Для этого надо трудиться не только ради собственной выгоды, но для всеобщей гармонии. И такое делается! Посмотрите хотя бы у нас в Талашкине… Разве мы не любим друг друга? Что касается крестьян – в Талашкине нет голодных! Мы с Киту все сделали для этого!

– Мария Клавдиевна, мой «Демон» писался не в Вашем имении,– художник не шутил, его лицо было очень серьезно. – За две недели, что я здесь, я почти поверил в гармонию. Да-да, я поверил, что она возможна! Вы знаете, я задумал картину… Я надеюсь написать ее здесь, в Талашкине! Я хочу написать нового «Демона» – поверившего в возможность обновления, в гармоничный Божий мир. Возвращающегося к Богу. Картина будет называться «Демон взлетающий».

Они беседовали очень откровенно. Впрочем, Александра Николаевна и Мария Клавдиевна больше слушали, чем говорили. Михаил Александрович, напротив, говорил горячо, взволнованно. Он рассказал, что замысел «Взлетающего Демона» связан с нынешним его состоянием – с тем обновлением, которое он почувствовал вскоре после приезда в Талашкино. Марии Клавдиевне последнее было особенно приятно – она-то всегда знала, что Талашкино возрождает! Здесь художник поверил, что обновление еще возможно, что его творческая жизнь не закончилась, в нем вновь возникло желание творить.

– Здесь я вновь поверил в свой талант! – воскликнул он.

Княгиня и ее гостья слушали с большим интересом. Они понимали величие замысла художника.

– Ах, Михаил Александрович, позвольте Вам возразить: Вы не талант, Вы гений! – твердила светская Зыбина.

А Тенишева… Тенишева была просто счастлива, что Талашкинская атмосфера способствовала излечению художника от хандры.

Она понимала творческий порыв гения и в дальнейшем старалась его не тревожить. Писал он не на природе, а в предоставленной ему мастерской. В общих затеях теперь не участвовал и вообще редко выходил. С утра принимался за работу, забывая иной раз и про обед – в конце концов. княгиня велела приносить еду к нему в мастерскую даже без его просьбы. С началом работы Врубель стал каким-то нервно-оживленным. Но это было нормально, княгиня много повидала художников, сама была творческим человеком и знала, что повышенная нервность часто сопутствует творчеству. Она не тревожилась, а скорее радовалась за художника: пусть пишет, ведь на то он и гений.

В эти дни у нее появилось много и своих забот: приехал муж, князь Тенишев. Вырвался от дел всего на неделю! Вячеслав Николаевич тоже любил Талашкино, однако менее княгини. Сейчас он был занят подготовкой к Парижской выставке, поскольку был назначен ответственным за русский павильон. Князь обладал большим чувством ответственности. Все, за что брался, он делал самым тщательным образом. Именно этим прежде всего объяснялся его незаурядный успех в делах: князь Тенишев был одним из крупнейших промышленников России. Так же тщательно, как к собственному производству, он отнесся к подготовке к выставке. Однако все же нашел возможность навестить жену в Талашкине.

Маня этот поступок высоко оценила. Она знала, как муж сейчас занят, как тревожится за порученное ему дело. После приезда князя она проводила время в основном в его обществе, гостями занималась мало. Возможно, поэтому проглядела перемену в психическом состоянии художника.

Однажды утром, сразу после кофе, к ней в кабинет прибежала Лиза. Она не стала бы беспокоить барыню по пустякам. Едва войдя, горничная взволнованно заговорила.

–Мария Клавдиевна, меня Лидин за Вами послал… Там художник этот, Врубель, картину свою порезал. Василий Александрович боится, как бы он над собой что-либо не сделал. Велел Вас и Екатерину Константиновну звать. Я ей уже сказала, она сейчас тоже подойдет.

По дороге к мастерской Лиза рассказывала:

– Федор, лакей, пришел к Михаилу Алексанровичу спросить, кофий не подать ли. Как Вы велели ему: в мастерскую приносить, если сам долго не идет. Постучался – не отвечают, и вдруг шум оттуда, как упало что. Он дверь приоткрыл: сверху снурок висит, оборвался, стул валяется, а рядом с ним Михаил Александрович, на полу лежит, на снурок тот смотрит. Ну, Федор, конечно, испугался, кинулся Ивана Ивановича искать,[3] а встретил раньше Василия Александровича – ему рассказал. Вместе и пошли назад в мастерскую… А меня за Вами послали.

Василий Александрович Лидин вел в Школе группу балалаечников. Пригласила его Тенишева всего год назад и была очень довольна этим приобретением. Человек он оказался легкий, услужливый и при этом большой мастер своего дела. Он организовал и обучил прекрасный оркестр из школьников, а также помогал княгине, насколько мог, в организации школьных мероприятий и даже в некоторых хозяйственных делах – он их умел улаживать.

Тяжелая картина открылась княгине при входе в мастерскую. Лидин и лакей, стоя на коленях, удерживали под локти сидящего на стуле Врубеля. Вид у художника был страшный: без сюртука, в расстегнутой рубашке, глаза совершенно безумные. Он озирался с испугом и княгиню поначалу не узнал. Мебель в комнате беспорядочно разбросана, сорванный с мольберта холст, с большим поперечным разрезом на тыльной, незакрашенной стороне валялся на полу.

– Михаил Александрович, – обратилась княгиня к художнику, стараясь, чтобы голос ее звучал проникновенно, и опустилась на низенькую скамеечку перед его стулом. Странную группу они теперь составляли: сидящий в изнеможении, откинувшись на спинку стула, художник с безумными глазами, двое мужчин и женщина у его ног…

– Михаил Александрович, дорогой, что случилось? Мы не виделись два дня, я скучала по разговорам с Вами, однако не хотела мешать гению в его работе… Как продвигается Ваш «Взлетающий Демон»? Я хочу взглянуть на это великое произведение… – Она делала вид, что не замечает сорванный с мольберта холст и разруху в мастерской. Обмануть художника не составляло труда, он был невменяем.

При упоминании «Демона» Врубель вскинул голову, взгляд его стал осмысленным, он узнал княгиню.

---

[3] *И.И. Барщевский, управляющий имением.*

– Гений?! – пробормотал он растерянно. А потом повторил уже громче, яростно. – Гений?! – И заговорил быстро, взволнованно: Я не хочу быть самозванцем! Зачем Вы обманывали меня?! Зачем я поверил?! Я не способен ни на что! Я написал прощение, а прощения не может быть! Он не взлетит, он не сможет раскаяться! Он не взлетит – все ложь. Он не достигнет неба! Я ничтожество! – Взгляд его обратился на мужчин, по-прежнему придерживавших его за локти. Он стал вырывать руки. – Зачем Вы держите меня?! Пустите, пустите! Я не должен жить, поскольку обманул всех! Я недостоин жизни, я обманул и жизнь! Он не сможет взлететь! – Художник весь дрожал. Двое мужчин удерживали его с трудом. Вдруг взгляд его обратился к лежащему на полу холсту.

– А-а-а! И мазню эту нужно уничтожить! Все ложь, все ложь! Одна ложь кругом, прощения не будет! – Он вырвался из рук ослабившего хватку лакея, однако Лидин успел перехватить освободившуюся руку безумного художника. Вместе они опять с трудом усадили его на стул.

– Маня, я послала за доктором!– В мастерскую вошла Киту. «Привезут из Смоленска психиатра», – шепнула она княгине, приблизившись к ней. Почти сразу вслед за Киту появился Вячеслав Николаевич. Он был, как всегда, спокоен.

– Здравствуйте, дорогой Михаил Александрович! – воскликнул он, широко улыбаясь и протягивая обе руки сидящему Врубелю. Удерживающих его Лидина и лакея, валяющийся на полу холст, беспорядок в комнате он как бы не замечал. – Рад, как всегда, рад видеть Вас у себя в гостях! И погода удалась – к нашему с Вами приезду! Вот пойдем сегодня на пленер, будем озеро писать! Ты как, Маня? Пойдешь с нами?

Художник перестал дрожать, взгляд его стал более осмысленным. Инстинктивно он поднялся навстречу князю. Лидин и лакей, мгновенно почувствовавшие перемену в его состоянии, не препятствовали.

– Здравствуйте, Вячеслав Николаевич! – Врубель смотрел на князя, его взгляд становился все более разумным. Он протянул дрожащую руку князю. – Вы, наверно, только сегодня приехали? Я еще не видел Вас… Я тоже рад Вас видеть! – Художник растерянно оглянулся. – Вы меня извините за причиненный беспорядок… Я писал… Ах, что это?! – он увидел валяющийся холст, свисающий с потолка обрывок шнура над уроненным стулом… – Ах, что эфыто я… Зачем я это? Что со мной? – Он опять опустился на стул, прикрыл руками лицо и заплакал.

Глава 7. Поселок Талашкино.

Елена Семеновна приехала в Талашкино почти в середине дня. Стояла приятная летняя погода, не слишком жаркая. Рейсовый автобус остановился на центральной площади поселка. Две женщины, тоже приехавшие на автобусе, пошли вперед, свернули в переулок, и Леля осталась одна. Теперь надо ждать Милу. Укрывшись в широкой листве от солнца, Шварц огляделась. Площадь была небольшая и пыльная. Собственно, это даже не площадь, а часть довольно широкой заасфальтированной улицы. «Ул. Ленина» – прочитала Шварц. Автобус развернулся и уехал. С одной стороны улицы стояли деревья, они уходили вглубь, образуя рощицу, почти непроходимую, заросшую мелколесьем и высокой травой. С другой – советские пятиэтажки, как кирпичные, так и блочные. Между ними попадались и двухэтажные дома, также построенные в советский период – в 60- годы. Располагались дома не в линейку, а микрорайоном и довольно просторно. Как и лесок, микрорайон углублялся в сторону от дороги.

Чувствовалась, что в последние годы этот устаревший «хрущевский» микрорайон пытались украсить. Возле домов в наивном окружении ярко выкрашенных автомобильных шин пестрели клумбовые цветочки. На фоне типовых советских зданий обращал на себя внимание новый крошечный домик с вывеской «Кафе Избушка». Выполненный в русском стиле, он единственный здесь прямо намекал на тенишевское прошлое Талашкина. Пока Шварц рассматривала симпатичный домик, из соседнего магазина вышла Мила. Обе руки ее были заняты

большими полиэтиленовыми сумками, однако, увидев Лелю, она все же сумела их как бы развести, изображая объятия. Женщины и впрямь обнялись, поставив сумки.

– Лелечка, как я рада твоему приезду! Совсем я тут увяла – считай, одна в избе, Сережка не в счет! – Сережа был семилетний внук Милы.

– Давай помогу! – Леля кивнула на сумки. – Куда ты столько набрала!?

– Пригодится! – махнула головой Мила. – Помогать не нужно, у тебя самой сумка тяжелая.

Леля взяла совсем мало вещей, но сумка действительно объемистая получилась. В основном там были продукты – выгрузила холодильник. Кто ж знал, что тут и магазин есть, и кафе… Леля со студенческих лет в сельской местности не была – в ту пору, когда в колхоз на уборку ездили, брали все с собой.

Улица шла вверх, дома располагались по-прежнему свободно. Двухэтажки теперь были другие, еще более старые. Такие штукатуренные двухэтажки пленные немцы строили после освобождения Смоленщины от оккупации… Они и в городе кое-где еще сохранились. «Надо полагать, поселок сильно пострадал от войны», – подумала Елена Семеновна. Но спросила про другое.

Мила, – сказала она, – А почему справа почти незастроенное пространство?

Массив деревьев впечатлял природной красотой и неухоженностью.

– Кажется, там парк тенишевский был. – кивнула Мила. – Заросло сильно, не присматривает ведь никто давно – с тех самых пор, точнее. Но все же зелень. Там застроено далее, места хватает, зачем вырубать? Наша улица Парковая называется.

В подтверждение ее слов массив деревьев прервался, в промежутке открылась улица с редко стоящими одноэтажными домами.

На этой улице мы живем – пояснила Мила. – Чуть подальше. – Они шли вдоль длинного забора из штакетника. За забором виднелся большой участок с посадками. «Картошка взошла, – с интересом разглядывала Леля. – А вот лук, зеленые пучки довольно уже большие торчат, дальше что-то непонятное, с вытянутыми листьями – скорее всего, брюква или свекла кормовая….»–

«Мила! Мила! – Раздался голос из-за забора. – Куда это ты ходила? Когда ж ты прошла? Я и не видала! А кто это с тобой?». За забором виднелась голова, повязанная платком, и руки. Руки с выпачканными в земле пальцами лежали на штакетнике, опираясь на него, а голова в рябеньком платочке почти тонула в плечах: женщина была невелика ростом, плечи как раз на уровне штакетника.

– Это моя подруга, – громко откликнулась Мила. – Приехала отдохнуть на недельку. «Давай подойдем», – шепнула она Леле.

– Это Зина Нестерук, моя соседка! – произнесла она опять громко. – Зина, мою подругу Леля зовут! – теперь она к женщине за забором обращалась.

– Правильно, что приехала: у нас воздух хороший! – откликнулась та. – А я Зина.

Теперь Леля видела Зину вблизи. Штакетник был нечастый, и можно было разглядеть подробно. Зина оказалась невысокой полной женщиной, примерно ровесницей Лели с Милой, то есть под семьдесят. В старой одежде, в высоких запачканных землей старых ботинках – она, видимо, копалась у себя в огороде и прервала работу, увидев соседку.

– У нас воздух хороший – повторила Зина, тоже внимательно разглядывая Лелю и обращаясь по-прежнему к ней. – Вон деревьев сколько! Здесь же парк был! Это теперя уж понастроили домов. А раньше здесь парк был княжеский, княгиня гуляла тут. У нас красивые места. Тут же художников было при княгине видимо-невидимо! Наезжали из Москвы, жили тут! Храм вон построили – там дальше, во Фленово. Туристы ездют через наше село все время! А ты сходи, посмотри на Храм. За неделю успеешь-то сходить!

– Обязательно схожу. – кивнула Леля. – Его же реставрировать собирались?

– Да. – Лицо у Зины было круглое, лоснящееся, морщин совсем не много, глаза маленькие, веселые… – Из Москвы приехал специально художник, да убили его!

– А за что его убивать? – заинтересовалась Леля.

– Кто ж его знает? – пожала Зина и без того поднятыми плечами.– У нас тут тихо вообще-то. Это первый раз за много лет убийство… Наверно, выпивал он с кем, да и подрались спьяну… Чего ж еще?

– Леля, пойдем, нам пора! – заторопила Мила. – Зина, нам идти надо. И Сережку пора кормить, и самим пообедать – Леля-то с дороги.

– Ну иди! Иди, я тебя не держу! – Зина сняла руки с забора. – Мила, картошка есть у тебя? А то заходи, бери, если надо!

– Есть пока картошка…Спасибо! – Мила уже подхватила свои сумки и пошла вперед. Леля двинулась за ней.

Домик, который купил Володя, сын Милы, был самый обыкновенный сельский домик. Деревянный, покрытый слегка облупившейся зеленой краской («На будущий год красить надо», – вздохнула Мила), с удобствами на улице. Впрочем, в дом был проведен газ, так что ни с отоплением, ни с готовкой проблем не возникало. Толстые газовые трубы шли прямо по улице, соединяя дома. Вода тоже была.

Из дальней комнаты раздавались звуки компьютерной игры. –

Это Сережка играет? – спросила Леля.– Здесь интернет есть?

– Кому ж еще? Интернет есть, конечно. Лучше б почитал, скоро в школу идти, или по улице побегал, пока можно… Тут в соседних домах живут его ровесники… – Она повысила голос: Сережа, иди обедать!

После того, как всех рассадила и расставила тарелки, Мила продолжила.

– Мы пока не стали колонку газовую покупать, ведь недолго здесь живем, только летом. Воду на плите грею, если надо. А так я здесь и пироги пеку, нормально все. – рассказывала Мила, расставляя на столе посуду. – Утром вот испекла к твоему приезду – попробуй только откажись! Сережа с утра сегодня пироги уплетает. Сережка, ты пирогов не объелся еще?

– Я их и не ел с тех пор, как ты ушла! – обиженно ответил внук. К супу он взял, конечно, пирожок.

Мила вернулась к рассказу о жизни в Талашкино.

– Володя с женой приезжают, но редко… – Участок у нас большой, нам не нужен такой. Вон там под сосной раскладушку поставишь и читать будешь на воздухе! Мне очень нравится! Я половину участка Зине отдала – она овощи выращивает. Картошку она мне бесплатно дает – вроде, в благодарность за участок этот. Остальное покупаю у нее. Скоро огурцы пойдут… Петрушку, укроп, морковку я, правда, посадила сама в этом году. А больше ничего и не надо. Речка далеко, а на озеро сходим с тобой, там пляжа-то нет, но я нашла такое местечко, где искупаться можно…Как я рада, Лелька, что ты приехала!

– Ох – тяжело вздохнула Леля. – Не буду я купаться в этом озере. Как вспомню вчерашнее!

– Леля, вот хочу тебя спросить: я правильно поняла, что это Потапов был? Тот, что вчера подвезти тебя предложил?

– Ну конечно, он! Ты не узнала, что ли!?

– Два года прошло… Тесен мир все же! Особенно в Смоленске! Ну, Леля, если Потапов появился, – чего доброго, опять приключения начнутся! – пошутила Мила.– Тем более, это убийство такое загадочное… Как-то мне совсем не верится, что реставратор подрался по пьянке. По пьянке ножом могли пырнуть, а он ведь задушен был, так, кажется, говорили?..

Леля засмеялась деланным смехом. Приключения она любила, однако говорить сейчас об этом не хотелось. А убийство да, загадочное… И зачем был этот клочок газеты во рту?! Впрочем, ей-то что за дело! Нет, она не будет этим заниматься.

– Потапов на рыбалку сюда приезжал – сказала она. – Думаю, больше не появится.

Глава 8. Хитроумный план музыканта Лидина.

На следующий день Лидин встал очень рано. Репетиция балалаечного оркестра была назначена после обеда, но его сильно беспокоил вчерашний припадок художника Врубеля. После разговора с князем художник впал в апатию. Взрыв ненависти к своему творчеству и к себе сменился вялостью и Врубель заснул. Приехавший из Смоленска врач не стал его будить. Выписал успокоительный отвар, велел отвлекать. Предупредил, что приступ может повториться: необходимо прятать от художника опасные предметы. Лучше всего было бы, конечно, поместить его в хорошую лечебницу. Тогда прогноз может быть благоприятным. Он ведь, помнится, уже лечился однажды?

Вечером Лидин разговаривал с князем. Они встретились случайно. Лидин проходил по парку мимо беседки, в которой князь сидел один, в глубоком раздумье. Князь остановил его. Тенишев должен был сегодня уезжать: подготовка к Парижской выставке являлась слишком ответственным делом, его присутствие было необходимо в Петербурге. Не имея возможности задержаться в Талашкине, князь опасался, что психическое заболевание Врубеля может причинить слишком большое беспокойство его жене. Конечно, Мария Клавдиевна сильная женщина, да и Екатерина Константиновна остается с ней. Он очень надеялся на всегдашнюю рассудительность Киту. Все же он решил поговорить о событии и с Лидиным: в глубине души князь был убежден, что некоторые вещи способен решить только мужчина.

– Василий Александрович, – сказал Тенишев. – я хочу поблагодарить Вас за вчерашний поступок. Вы были первый, кто помог Михаилу Александровичу, кто остановил его безумное намерение…– князь запнулся – убить себя.

– Вячеслав Николаевич, – Лидин поклонился. – Благодарю Вас за столь высокую оценку моего скромного поступка. Видит Бог, я не сделал ничего особенного. Остановили припадок Вы – Вашей спокойной речью и благоразумием. Я всего лишь физически удерживал Врубеля, но не мог воздействовать на его сознание. Ваши слова вернули художника к нормальному состоянию.

Князь тяжело вздохнул: Я рад, что пока все стабилизировалось, однако не уверен, что приступ не повторится. Дорогой Василий Андреевич, к сожалению, мои дела в Петербурге безотлагательны, и я не могу далее задерживаться в Талашкине. Мария Клавдиевна с радостью рассказывала мне о Вашей работе. Как много Вы сделали за год! Мое мнение о балалаечном оркестре я Вам уже не раз высказывал, почти так же бесценна Ваша помощь княгине в организационных делах. Прошу Вас и в этой незаурядной ситуации со свойственным Вам тактом и благоразумием способствовать благополучию Талашкина.

– Благодарю. Вы можете быть во мне уверены. За год я успел привязаться к Талашкину, а о своем восхищении благородной деятельностью княгини говорил не раз, – ответил Лидин. Музыкант был искренен. Он действительно успел полюбить эти красивые места, а бескорыстная благотворительность княгини представлялась ему образцовой.– Кстати, Вы видели эту картину?

– Ту, что Врубель хотел уничтожить? Кажется, он порезал ее? Нет, не видел.

– К счастью, он успел сделать лишь один надрез. А картина гениальная. И, это к нашему разговору, безусловно, картина – результат пребывания Врубеля в Талашкине. На ней Демон, пытающийся взлететь. У него просветленное лицо. Он вновь обрел веру. Он покаялся и возвращается к Богу. Гениальная картина, лучшая из всех, им написанных. Она почти окончена. Я не понимаю, почему вдруг Михаил Александрович разуверился в себе. Он хотел уничтожить свой шедевр!

К беседке подошла Мария Клавдиевна.

– Манечка, – обернулся к ней князь. – Василий Александрович говорит, что картина, которую чуть не уничтожил Врубель, – лучшее его творение. Ты ее видела?

Маня нахмурилась, ее оживленное лицо стало печальным:

– Видела, когда он начинал работать над ней… Да, картина многое обещала. Мне казалось, я добилась своего: Михаил Александрович был так весел в начале пребывания в Талашкине. Мне казалось, его болезнь ушла… И картина – какой я ее видела – об этом свидетельствовала. Она была задумана как светлое, жизнеутверждающее полотно, в ней чувствовалась вера. Неужели замысел изменился в процессе работы?

Ответил ей музыкант:

– Нет, не изменился. Демон взлетает, он верит, что может взлететь. Лицо у него такое, просветленное… Картину нужно непременно сохранить. Доктор сказал, что приступ повторится…

Княгиня кивнула:

– Мы уже связались с его женой, она начала договариваться с лечебницей. Но пока он должен пожить здесь. Как бы он не вернулся к мысли о необходимости уничтожить холст.

–Так не показывайте его Врубелю, пока опасность повторения припадка не пройдет! – воскликнул Тенишев.

– Да, Василий Александрович, пожалуйста, спрячьте картину получше! – повторила и Мария Клавдиевна. – Ее нужно сохранить. Когда опасность вторичного припадка минует, Михаил Александрович вновь приедет к нам и допишет… Клянусь, я все для этого сделаю!

И вот теперь Василий Андреевич задумчиво смотрел на холст, закрепленный на мольберте в его собственном кабинете.. Да, в его кабинет с роялем и балалайками принесли сегодня мольберт. Решение оформилось окончательно в его сознании ранним утром. Заря едва взошла, когда лакей, приставленный приглядывать за художником, сообщил ему, что тот проснулся. Лидин тотчас отправился к нему. Врубель был почти спокоен, сам заговорил о лечебнице. Он уже лечился и тогда ему стало лучше. Хорошо бы опять попасть в ту самую лечебницу, жена знает… Лидин успокоился: кажется, художник вполне сознает свое состояние, он ведет себя разумно и намерен лечиться. Уже хорошо! Даст Бог, и поправится… Однако в процессе разговора Врубель вновь вспомнил своего «Взлетающего Демона» и взгляд его затуманился.

– Это лживая картина – зашептал он почти на ухо Лидину. – Эта картина лжет! Он только притворяется, что взлетает, что верит… Прощение невозможно, покаяния не будет никогда. Веры нет, тьма кругом и сомнение! Посмотрите вокруг – Вы не увидите любви, не встретите понимания. Вот какая правда. А в картине ложь! Зачем Вы не позволили мне уничтожить этот холст?! Куда Вы спрятали его?!». Он положил руку Лидину на плечо, и музыкант удивился тяжести его ладони.

Он нашел в себе силы пожать плечами почти равнодушно. Главное – спокойствие. С помутившимся разумом человеком нужно говорить уверенно и спокойно, как ни в чем не бывало – как князь вчера…

Подумав так, Лидин улыбнулся. Улыбка выглядела естественной, хотя далась музыканту с трудом.

– Напрасно Вы волнуетесь, Михаил Александрович! – воскликнул он. – «Демон» Ваш еще вчера уничтожен. Вы ведь сами исполосовали его ножом, так что я велел Лизе выбросить эту порезанную тряпку. К чему она? От картины ничего не осталось! Давайте лучше завтракать – я тоже сегодня рано встал и уже проголодался. Степан! – Он позвонил в колокольчик. – Принеси-ка нам, голубчик, кофе!

Выйдя от художника, Лидин уже знал, что будет делать. Ночью перед этим разговором он почти не спал и придумал способ укрыть картину от глаз сумасшедшего художника, если потребуется. Холст не надо прятать. Картину необходимо «записать» – то есть временно скрыть,

написав сверху другую. Врубель не сможет обнаружить ее, если ему вновь придет мысль о необходимости уничтожения.

Глава 9. Новые встречи во время прогулки.

После обеда Леля и Мила вышли прогуляться. Честно сказать, Леле хотелось пройтись по поселку одной – рассмотреть все хорошенько, чтоб никто не мешал. Вчерашнее событие у озера не давало ей покоя. Но убегать в первый же день она сочла неприличным.

Они вышла на уже знакомую ул. Ленина и пошли вверх, в сторону Фленова . На расстоянии от центра улица стала совсем не нарядной и даже почти сошла на нет: домов не было, а с обеих сторон тянулись заросли. Вдруг заросли прервались, на перекрестке открылись какие-то развалины из кирпичей.

–Это все, что осталось от Скрыни, – пояснила Мила. – Хранилище такое, где княгиня складывала красивые вещи, что в Талашкинских мастерских делали – вышивки, рамочки… Еще она скупала антикварные вещи где могла, по всей России и за границей, и тоже здесь складывала. А в 1909 году Тенишева все эти вещи подарила Смоленску. До того несколько раз выставляла за границей – там восторг полный был! У нее и Париж, и Прага за большие деньги коллекцию купить хотели, но она построила в Смоленске специально для коллекции музей «Русская старина», по проекту Малютина. Сама, конечно, как всегда, кое-что в проекте поправляла. Все оплатила из своих денег и передала городу совершенно бесплатно! Вместе со зданием! Оговорила только, чтоб все вместе, вся коллекция, именно в этом здании хранилось.

– Подожди, «Русская старина» ведь закрыта давно? В этом здании музей живописи был, потом вообще закрыли?

– Ну, тенишевскую коллекцию, конечно, разбазарили еще в двадцатые: центральные музеи понаехали – что хотели забрали. В оккупацию столько же немцы увезли. Треть от коллекции осталась. Теперь собрались восстановить, а денег, как всегда, нет… Договориться тоже, как всегда, не могут. Когда откроют, неизвестно, в общем.

– Леля обошла вокруг развалин.

– А там что за здание? – спросила она. На некотором расстоянии белел двухэтажный дом необычной постройки. – Это не господский дом?–

– Почти угадала, – засмеялась Мила. – Господский дом не сохранился, это Дом культуры. Но он построен на фундаменте господского дома! А вокруг – бывший парк. Он очень большой.

Они вновь вышли на улицу Ленина. Домов больше не было. Там, где деревья редели, стеной стоял борщевик. Раньше Леля видела это ядовитое растение только по телевизору, однако узнала сразу.

– Здесь раньше были озера, – сказала Мила, – видишь углубления? –

Две низинки, две высохшие чаши располагались по сторонам дороги. Они полностью заросли лопухом, крапивой и, как страшные обгорелые купола, возвышался надо всем борщевик. Леля даже расстроилась.

– Елена Семеновна! – послышалось сзади, и она оглянулась – к ним подходил Костя Разумов с каким-то молодым человеком и девушкой.

– Елена Семеновна, Вы же вчера собирались уехать?! Остались все-таки? – спросил Костя.

Леля улыбнулась.

– Я и уехала вчера, а сегодня вернулась – вот к Людмиле Сергеевне на недельку погостить. Отпуск ведь начался. На свежем воздухе побыть полезно. Мы живем на улице Парковой! А Вы на какой улице живете?

– На Московской. Это при въезде в Талашкино. Приходите в гости!

– Спасибо. Вы с друзьями?

– Да, – спохватился Костя. – Это Витя Муркин – Вы у него ничего не вели? Он исторический наш окончил в прошлом году, в Краеведческом музее работает, сейчас у меня в гостях.

Витя, невысокого роста молодой человек с живыми карими глазами, молча смотрел на Елену Семеновну.

– А это Кристина Колпачкова, она здесь живет, в Талашкине, с мамой. Кристина – смотритель в Теремке – продолжил Костя.

Хотя послеобеденное солнце светило уже не ярко, Кристина была в больших темных очках, закрывавших почти все ее бледное личико. Волосы у Кристины были фиолетового цвета и торчали во все стороны, губы покрыты карминовой помадой, платье ярко-синее. «Готическая девочка», – подумала Леля, но без иронии: она была чрезвычайно терпима к людям, тем более, таким молодым. Кто знает, что скрывается за вызывающей внешностью этой девочки?

– А почему ты не говоришь, что я с тобой в одной группе училась в университете? – обратилась, между тем, Кристина к Косте. – Меня исключили год назад за плохую успеваемость! – резко продолжила она, повернувшись к Елене Семеновне.

– Бывает, – только и сказала та.

Выяснилось, что молодые люди тоже идут во Фленово. Пошли рядом.

– Вы надолго в Талашкино? – обратилась Елена Семеновна к Вите. – В музее ведь, наверно, отпуск небольшой?

– Три недели – пожал тот плечами. – Я уже вторую неделю у Кости. Но он утверждает, что не надоел. Я иногда даю ему отдых – в Смоленск езжу и там ночую.

Костя улыбнулся.

– Без Витьки я бы совсем здесь заскучал. Тут, видите ли, молодежи мало. Да и вообще народу не густо. А так у нас еще в прошлом году неплохая тусовка образовалась: Витька, Кристинка, я… Ну, из Смоленска, правда, друзья тоже иногда приезжают. И еще из Москвы – Саша Красухин с нами был…

– Был? – заинтересовалась Шварц. – В этом году не приехал?

– Приехал… На свою голову. Саша – это и есть реставратор, которого убили вчера.

Елена Семеновна сделала вид, что смутилась. Молодые люди смотрели на нее грустно. Выражение лица девушки было непонятно из-за очков.

– Простите! – воскликнула Елена Семеновна. – Какой ужасный случай! И в таком тихом месте… Так значит он и раньше приезжал?

– Он в течение трех лет приезжал. – кивнул Витя. – Ненадолго всегда. Но его в поселке знали уже.

В беседу вступила Мила.

– Некоторые считают, что это была драка по пьянке. Он, наверно, сильно выпивал, – авторитетно сказала она.

Тут отреагировала эта странная девушка. Презрительно фыркнув, она резко остановилась.

– Я другой дорогой пойду. Мне к знакомой зайти надо.– И свернула на малозаметную тропинку между деревьями, ведущую в лес. Все, что она говорила, звучало вызывающе. Был в ней какой-то надлом. «Она взвинчена до предела, – подумала Елена Семеновна, глядя вслед тоненькой фигурке в ярко-синем платье. – Жалкая какая… Но, видно, гордая. И почему ее так задели слова Милы?».

– Кристя, я с тобой! – побежал за девушкой Витя. Костя, поколебавшись, остался.

– Саша не пил, он не мог подраться в пьяном виде. На Кристю не обращайте внимания, она сейчас нервная очень, – объяснил он. – Вы в музей, наверно?

– Нет. – Удивилась Елена Семеновна. – Вчера же были… Мы просто хотим пройтись, тут во Фленове красивая природа. В Талашкине тоже красиво, но там борщевик все заполонил. А здесь ухаживают.

– Да. – вздохнул Костя. – С борщевиком прямо беда.

Они уже вышли на площадку перед воротами во Фленово, на которой стоял большой туристический автобус и несколько автомобилей. Люди шумно выходили из автобуса, шли вверх по дорожке.

– Суббота! – воскликнула Мила. – Туристов много. Давайте их пропустим. Куда нам спешить?

– Я предлагаю выпить кофе. – сказал Костя. Недалеко от ворот во Фленово стояло большое красивое кафе. Внутри оно тоже оказалось очень приличным. Народу почти не было. Трое мужчин сидели за столиком возле окна – и все. Приглядевшись, Елена Семеновна узнала всех троих: Потапов, Анисин, Демин. Демин был майор из убойного отдела в Смоленске – значит, Смоленск убийством реставратора занялся. Ну, Анисин участковый… А Потапов почему с ними? Он же, вроде, рыбу сюда ловить приезжал… Говорил, что не будет этим делом заниматься. Вот хитрец!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.